

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 15**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 15 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 290 с.

ISBN 978-5-458-04665-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04665-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Цѣль человѣческой жизни.

(Окончаніе).

II. Объ истинныхъ цѣляхъ человѣческой жизни.

I. Въ понятіи человѣка о предметахъ столь общихъ, какъ цѣль его жизни, достаточно нѣсколько передвинуть точку зрѣнія, чтобы весь міръ явленій, обнимаемыхъ этимъ общимъ понятіемъ, предсталъ для него въ совершенно иномъ и новомъ свѣтѣ. Здѣсь происходитъ то же, что бываетъ въ природѣ при перемѣщеніи источника свѣта и предмета, его затѣняющаго: уклонъ перваго или втораго, самый незамѣтный, достаточенъ, чтобы необозримое множество вещей или вновь озарилось свѣтомъ, или, напротивъ, впало во мракъ.

При выборѣ счастья какъ верховнаго принципа совершенно опущена была изъ виду природа самого человѣка: только ощущеніе имъ страданія и удовольствія было взято въ расчетъ, и затѣмъ для этого ощущенія искали въ внѣ человѣка условія увеличенія его и уменьшенія, личныя или общественныя. Разсматриваемая подъ угломъ лишь этого ощущенія, одного и всегда одинаковаго, и самая природа человѣка понималась какъ нѣчто данное, опредѣленное, какъ неподвижный воспріемникъ не варьирующихъ же чувствъ. Неподвижное отношеніе и установилось между нею и ея искомымъ удовлетвореніемъ: вѣчное насыщеніе, которое происходитъ теперь и здѣсь, которое невозможно передвинуть въ будущее и понять какъ руководящую цѣль.

Принятіе человѣческой природы за неподвижную именно въ отношеніи къ достигаемымъ объектамъ, именно въ сферѣ даннаго вопроса, и затемнило истинное его рѣшеніе, которое такъ ясно. Глубочайшая сущность этой природы, болѣе важная, чѣмъ то, что она разумна, что она нравственна или свободна, заключается въ томъ, что она *потенціальна*—во всемъ сложеніи ея, по всѣмъ направленіямъ, въ разумѣ, какъ и въ чувствѣ, какъ и въ волѣ. Нѣтъ ничего въ ней, что было бы уже дано отъ начала, что отъ самаго ея появленія было бы въ ней ясно выражено, твердо содержалось: она—вся въ возможности, вся въ колеблющемся и не твердомъ усилии, и лишь какъ бы предчувствіе того, къ чему она усиливается, неясно тянется,—уже отъ начала въ нее заложено; но предчувствіе столь же мало дѣйствительное, такъ же мало выраженное въ какихъ-либо реальныхъ фактахъ, какъ смутнѣе ожиданіе по отношенію къ ожидаемому, котораго еще вовсе нѣтъ, которое еще наступить.

Понять человѣка какъ систему такихъ ожиданій, темныхъ по слабости выраженія, опредѣленныхъ по предметамъ ожидаемымъ, и значить подойти къ узлу занимающаго насъ вопроса. Здѣсь уже нѣтъ произвола, нѣтъ искусственности въ придумываніи; есть лишь мѣсто для открытія, которому нашъ умъ долженъ подчиниться, какъ мысль своему объекту, какъ взоръ усматривающій—усмотрѣнной имъ вещи. То, что вскроется въ этой системѣ ожиданій, есть ожидаемое всѣмъ человѣчествомъ, для всѣхъ одинаковое, для каждого должное, и подъ незыблемымъ покровомъ чего лежитъ свобода личности. Воля, найдя здѣсь для себя законъ, находить и ограниченіе, но съ нимъ и твердость дѣйствія, которой не знала прежде.

II. Но, насколько мы ищемъ не цѣлей для единичныхъ дѣйствій, а цѣлей окончательныхъ, за которыми дальше ничего не лежитъ для человѣка,—мы должны отдѣлять въ его потенциальной природѣ *первозданное* отъ превнесеннаго. Къ чему бы ни стремился онъ въ исторіи, чего бы ни искалъ въ личной

жизни—это стремленіе, это исканіе имѣть въ немъ для себя зародышъ. Но зародышъ можетъ быть вкинутымъ въ него сѣменемъ, которое вовсе не связано необходимо съ его первоначальнымъ устройствомъ. Только тѣ стремленія, въ которыхъ выражается это первоначальное устройство, изъ которыхъ состоитъ самое существо человѣка и безъ нихъ его вовсе не было бы—суть сѣмя самой природы человѣческой, которой плода мы ищемъ.

Организмъ человѣка, какъ нѣкоторая система функцій и органовъ, не имѣетъ какого-либо отношенія къ цѣли его жизни, не носить этой цѣли въ себѣ и не указываетъ на нее собою косвенно. И въ самомъ дѣлѣ, двѣ черты являются непремѣнными во всякомъ органѣ и въ каждой функціи: *окончателѣность* строенія и отправленія уже при самомъ появленіи человѣка, и *обращеніе въсьмъ смысломъ своимъ, всею значительностью къ самому индивидууму*, который есть ихъ носитель. Дыханіе, кровообращеніе, питаніе, дѣятельность внѣшнихъ чувствъ—все это образуется, слагается въ періодъ жизни, пока рождающійся организмъ слить еще съ материнскимъ; и, напротивъ, какъ только онъ отдѣлился отъ него, сталъ индивидуумомъ—это все уже дѣйствуетъ, готово; и хотя возростаетъ потомъ въ объемъ, но не трансформируется, не развивается въ какія-либо лучшія и высшія формы. И, далѣе, всякій единичный органъ и всякая отдѣльная функція суть органъ и функція только для того, въ комъ они находятся, и не имѣютъ никакого значенія, смысла и важности для остальныхъ людей: этою значительностью своею они всѣ сомкнуты внутрь, другъ къ другу, и своимъ взаимодействіемъ образуютъ жизнь индивидуума.

Такимъ образомъ, этотъ индивидуумъ, если онъ имѣетъ какую-либо цѣль внѣ себя, къ которой нужно еще стремиться, осуществлять ее, приближать къ себѣ,—имѣетъ физическую свою организацію лишь какъ опору своихъ стремленій; точнѣе—*опору бытія своего, необходимыя условія своего существованія*—существованія для чего? бытія къ чему? на это въ самомъ организмѣ не заключено никакого отвѣта.

Можно было бы подумать, что функціи и органы воспроизведенія, относясь къ тому, что воспослѣдуетъ потомъ, могутъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ цѣли человѣческаго существованія. Но эти функціи и органы такъ же обращены своею значительностью внутрь, но уже не индивидуума, а рода: ими поддерживается существованіе человѣчества, какъ всякою другою функціей поддерживается жизнь человѣка. Такимъ образомъ, характеръ постоянства, опредѣленности, законченности свойственъ и этой функціи, какъ всѣмъ прочимъ; она такъ же есть лишь необходимое условіе бытія человѣчества: бытія для чего? на это въ ней не дано никакого отвѣта.

Полнота реальности, въ которой все выражено и ничего уже не ожидается, есть, такимъ образомъ сущность физической природы человѣка; и такъ какъ цѣль, по нашему понятію (см. выше гл. I, VIII) есть то, что еще „станетъ дѣйствительнымъ черезъ дѣйствительное теперь“, что наступитъ, осуществится,—то ясно, что никакого отношенія къ этой цѣли не имѣетъ эта природа. Ее поддерживать, ее не разстраивать есть долгъ и право всякаго человѣка; нарушеніе перваго сказывается физическимъ страданіемъ, и когда оно вызывается условіями не индивидуальной жизни, но коллективной—есть право у каждаго потребовать перемѣны этихъ коллективныхъ условій, чтобы они не стѣсняли и не калѣчили его индивидуальное существованіе. Оно есть *primum* по отношенію къ этимъ условіямъ, и при этомъ *primum* неизмѣняемое, постоянное, недвижимое, которое по самой своей сущности не можетъ ни съ чѣмъ согласоваться и ни къ чему примѣняться, но съ чѣмъ и можетъ, и должно согласоваться все измѣняемое въ человѣческой жизни.

На ряду съ правомъ этимъ, мы сказали, есть и долгъ не разстраивать черезъ личную дѣятельность эту организацію: она есть *данное*, что каждый обязанъ охранять, но чего измѣнять или разрушать ему не дано, какъ не свое созданіе. Поэтому (въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ) права на самоубійство нѣтъ у человѣка: въ этомъ послѣднемъ при-

хотью своей преступной фантазіи онъ разрушаетъ то, чего еще вовсе не понимаетъ, что ему дано было и съ чѣмъ онъ не сѣумѣлъ справиться. Такимъ образомъ безсиліе, неисполненный долгъ, посягательство на то, на что нѣтъ права—соединено въ этомъ дѣяніи, справедливо считающемся у всѣхъ людей чѣмъ-то неестественнымъ и ужаснымъ, какимъ-то искаженіемъ основныхъ законовъ природы со стороны ихъ высшаго носителя, ихъ самого свѣтлаго и мудраго выразителя.

III. То, что гнѣздится въ этомъ организмѣ и, кажется, связано съ нимъ, какъ корень съ питающей почвой, есть духъ человѣческій. Что бы онъ ни былъ, какихъ бы взглядовъ на него мы ни держались, пусть будемъ даже отрицать его бытіе какъ чего-то особаго отъ физической природы челоѣка, все равно: мы не въ силахъ будемъ никогда смотрѣть на эту природу только какъ на систему ясно выраженныхъ расчлененій и функций, всегда и невольно мы будемъ устремлять свой взоръ на это сіяніе, которое надъ ней поднимается, котораго осмыслить мы не въ силахъ и, не желая смѣшивать его съ тѣмъ, отъ чего оно отдѣляется, называемъ его *духомъ*.

Въ одномъ рѣзко выражена противоположность между нимъ и его физической основой: тогда-какъ послѣдняя представляетъ собою полную реальность, духъ есть чистая потенція, какъ синтезъ способностей и стремленій, которыя лишь путемъ взаимодействія съ внѣшними предметами обнаруживаютъ себя, и въ этомъ взаимодействіи преобразуются, раскрываются. Ясно, что соотношеніе съ цѣлью, если только она есть для челоѣка, имѣетъ именно эта сторона его сложной природы.

Все въ ней дѣятельно, но не для того, что теперь,—для будущаго; все измѣняемо, но въ направленіяхъ не безчисленныхъ, не чередующихся, но лишь въ одномъ опредѣленномъ, въ которомъ она вѣчно возростаетъ; она вся есть устремленность, но въ противоположность функциямъ органическимъ, которыя сомкнуты внутрь, устремлены къ со-

храненію индивидуума—она разомкнута, расходится во всѣхъ направленіяхъ и, кажется, въ дѣятельности своей растрчиваетъ силы организма до его естественнаго завершенія, смерти.

Организмъ человѣческій на всемъ протяженіи его существованія, какъ индивидуальнаго, такъ одинаково и родового—лишь продолжается, поддерживается, служа опорой для чего-то; духъ человѣческій, опираясь на физическую организацію, быть можетъ исходя изъ нея, вѣчно рождается, возникаетъ въ новыхъ и новыхъ проявленіяхъ, неиспытанныхъ никогда стремленіяхъ,—и это какъ въ жизни индивидуума, такъ и въ жизни цѣлаго человѣчества. Онъ, такимъ образомъ, можетъ быть понятъ какъ истинная *идея цѣли*, какъ ея замысль, ея предчувствіе; но замысль темный, идея не проясненная для своего носителя, которая лишь медленно, черезъ тысячелѣтія исторической жизни, становится очевидной, для всѣхъ ощутимой, къ нѣкоторому опредѣленному завершенію направленной.

Завершеніе это, какъ нѣкоторая объективная и многосложная дѣйствительность, и есть истинная цѣль человѣка, которой начальный завитокъ содержится въ устройствѣ его души, въ его субъективной дѣйствительности. Жизнь личная и историческая есть сѣть причинъ и дѣйствій, которыя какъ бы причудливо ни переплетались другъ съ другомъ, имѣютъ (иногда скрытно отъ человѣка) только одно назначеніе: провести ту или иную линію соединенія между этимъ первоначальнымъ завиткомъ человѣческаго духа и тѣмъ далекимъ окончательнымъ произведеніемъ рукъ его.

IV. Цѣль можетъ быть открыта въ двухъ смыслахъ: въ конкретномъ составѣ своемъ, какъ она осуществится (что будетъ, когда дѣятельность, направленная къ ней, прекратится); это было бы ея *представленіемъ*. И можетъ быть дано ея *понятіе*, т.-е. указанъ лишь законъ и направленіе, въ которомъ дѣйствуя, человѣкъ современемъ осуществитъ ее въ формахъ, какія будутъ обусловлены особыми обстоятельствами того времени.

Едва-ли нужно говорить, что въ первомъ смыслѣ конечная цѣль человѣческой жизни не можетъ быть открыта; и это мудро, что ея конкретный образъ до послѣдняго усилія человѣка въ исторіи останется отъ него скрытъ. Потому-что знаніе этого образа стѣснило бы чрезмѣрно его свободу, не оставило бы ему ничего выбирать, ни надъ чѣмъ задумываться, но лишь—дѣлать, исполнять пассивно то, что усматриваетъ его взоръ въ готовомъ, стоящемъ передъ нимъ образѣ. Напротивъ, имѣя лишь понятіе о цѣли своего бытія, человѣкъ, ограниченный достаточно въ своемъ произволѣ, достаточно сохраняетъ и свободы для выбора, для взаимодействія съ окружающей средой; его смыслъ не отнимается отъ него, какъ онъ былъ бы отнятъ при знаніи цѣли какъ представленія.

V. Есть три первоначальныя и одно къ другому несводимыя стремленія въ человѣкѣ: различить, что есть, отъ того, чего нѣтъ—это усиліе его *знать истину*; удалить то, что задерживаетъ это и всякое подобное первоначальное движеніе—это усиліе его *сохранить* для себя *свободу*; и послѣ всякаго дѣйствія ошутить въ себѣ высшую гармонію, нежели какая была до его начала—это усиліе къ *добру*. Когда при видѣ звѣзднаго неба—въ какія бы ни было времена, въ какомъ бы ни было мѣстѣ—человѣкъ, почувствовавъ себя счастливымъ, не скрылъ это отъ себя, не затаилъ своего счастья въ ему несоотвѣтствующей гримасѣ—это было простое движеніе къ правдѣ, которое мы не можемъ отнести, какъ къ своему источнику, ни къ какому внѣшнему воздѣйствію на человѣка природы-ли, другихъ-ли людей; *это истекало изъ его первоначальнаго устройства*. И когда въ послѣдствіи, уже стѣсненный и природой, и еще болѣе людьми, онъ уже скрывалъ счастье свое подъ гримасой, или питалъ злобу подъ личиною расположенія, и ненавидѣлъ эту личину, эту гримасу, все свое исковерканное существованіе,—онъ ненавидѣлъ свое стѣсненіе въ силу неудержимаго стремленія быть свободнымъ, преодолѣть которое окончательно не могло самое продолжительное давленіе извнѣ. И, наконецъ,

когда всякій человѣкъ, на время пересиливъ свой страхъ передъ этимъ давленіемъ, осудить его какъ зло и разобьетъ хоть частицу этого зла, изранивъ себя,—онъ испытаетъ чувство внутренней гармоніи, незнакомое ему прежде, котораго источникъ лежитъ также въ его первоначальной природѣ. Мы не только не наблюдаемъ, но и не можемъ вообразить себѣ какого-либо внѣшняго побужденія, которому обязаны были бы своимъ происхожденіемъ только что приведенные акты психической жизни.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, по всему своему складу, по своему направленію и, слѣдовательно, источнику, эти акты разнородны. Изъ нихъ первый имѣетъ отношеніе къ внѣшнему, но лишь какъ созерцаніе его, соотвѣтственно которому устанавливается то или иное содержаніе въ душѣ человѣка и, установившись, выражается извнѣ безъ всякой перемѣны на пути выраженія своего. Здѣсь, такимъ образомъ, обусловливающее есть объективная дѣйствительность, съ которой сообразуется дѣйствительность субъективная: это область разума, созерцающаго, познающаго, вѣчно обнажающаго передъ собою міръ. Во второмъ случаѣ, наоборотъ, внѣшняя дѣйствительность есть измѣняемое человѣкомъ сообразно его внутреннему содержанію: она удаляется или оставляется въ покоѣ, но не во вниманіе къ ея собственному значенію, но лишь во вниманіе къ своему значенію для человѣка: это есть сфера его воли, стороны дѣятельной, силы самоутверждающейся и отрицающей силу внѣшнихъ препятствій. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ главное есть такъ же внутреннее состояніе человѣческой души, но не пассивно устанавливающееся сообразно объективной дѣйствительности, а силящееся стать къ ней въ гармоническія отношенія, покорныя высшимъ нравственнымъ законамъ. Здѣсь нѣтъ отрицанія внѣшнихъ предметовъ, нѣтъ и желанія отъ нихъ уклониться, не измѣняя ихъ, — есть усилія встать съ ними во взаимодействіе, покорить и ихъ закону, который царитъ внутри человѣка, и въ мѣру покоренія этого тѣснаго и тѣснаго сливаться съ ними, до

осуществленія совершенной гармоніи между собой и всѣмъ міромъ.

Это все относится къ формѣ чувства, вѣчно волнующагося то счастьемъ, то горестью, то ожиданіемъ, то отчаяніемъ—смотря по перипетіямъ борьбы человѣка съ окружающей его дѣйствительностью.

VI. Три указанные элемента человѣческой духовной природы заключаютъ въ себѣ каждое: нѣкоторую *дѣятельность*, какъ усиліе перейти отъ даннаго, уже достигнутаго состоянія, къ другому еще не испытанному; *направленіе*, въ которомъ этотъ переходъ совершается; *законъ*, по которому онъ совершается.

Послѣдній есть нѣкоторая идеальная норма, по которой совершается наше мышленіе, усиливается или ослабляется воля, волнуется чувство: все это происходитъ не хаотично, несетъ на себѣ черты порядка, который, наблюдая, мы называемъ закономъ души человѣческой. Его нарушеніе, его разстройство,—точнѣе, выходъ изъ подъ его владычества психической жизни человѣка—дѣлаетъ для насъ непонятной эту жизнь, непроницаемо-темной; и ничего въ ней не различая, не осмысливая ее своимъ закономѣрнымъ умомъ, мы называемъ ее безсмысленной, безумной. Она продолжается, но не по законамъ, которые одни намъ извѣстны, по которымъ устроена наша душа,—и мы перестаемъ съ нею взаимодействовать, какъ свѣтило движущееся по закону тяготѣнія не взаимодействуетъ съ полетомъ свѣтового луча, подчиненнаго другимъ законамъ. Во всякомъ случаѣ изъ факта непонятности для насъ, непостижимости, и не только мыслей человѣка безумнаго, но и желаній, но и чувствъ его нѣкоторыхъ, мы можемъ умозаключить, что есть норма, законъ для души человѣческой, и при томъ во всей цѣлости ея сложнаго строя.

Направленіе дѣятельности душевной вытекаетъ изъ соотносительности души человѣческой съ нѣкоторыми идеалами, какъ гранями этой дѣятельности, какъ ея послѣдними цѣлями. Нѣтъ сомнѣнія, что въ первоначально устроенной

душѣ нѣтъ никакого вѣдѣнія объ этихъ идеалахъ, никакого ощущенія ихъ дѣйствительности, и, слѣдовательно, не можетъ быть отчетливаго къ нимъ стремленія; есть именно только соотносительность; но, какъ въ силу подобной же соотносительности дыхательные органы рождающагося существа, едва доступенъ имъ станетъ воздухъ, тотчасъ потянуть его въ себя и съ первымъ, *уже подготовленнымъ* дыханіемъ весь организмъ рожденнаго забьется новой жизнью, — такъ точно и по той же причинѣ первозданно устроенная душа, отъ перваго и до послѣдняго своего движенія, все, что дѣлаетъ, — это лишь соотносится, только взаимодействуетъ съ далекими, предустановленными для нея идеалами, и въ мѣру этого взаимодействія живетъ. Ея къ нимъ стремленіе, ихъ вѣчное исканіе, и по источникамъ, и по качествамъ своимъ, и даже по результатамъ, есть то же, что безотчетное, не мотивированное и не намѣренное, но однако невольное и необходимое исканіе младенцемъ питающей его груди.

VII. Эти идеалы, мы уже сказали, есть *истина, добро и свобода*. Въ соотношенія къ нимъ — нѣтъ жизни для души; нѣтъ для нея дѣятельности, какъ только прекратится въ ней различеніе истиннаго отъ ложнаго, добраго отъ злого, и рабства отъ свободы. Они не сводимы другъ къ другу, не сліяны; нельзя, пожертвовавъ которымъ-нибудь изъ нихъ, думать, что потерю можно вознаградить удвоеннымъ стремленіемъ къ другому.

Такимъ образомъ, природа человѣческая *полиформна*, а не унитарна; и она не статична, а *динамична* — вотъ двѣ истины, понявъ которыя, мы на весь сложный міръ исторіи и жизни получаемъ совершенно иное воззрѣніе, чѣмъ какое открывается на нихъ же съ точки зрѣнія идеи счастья, какъ единственнаго руководительнаго для человѣка начала.

Чтѣ именно содержится въ этой идеѣ, нами было показано выше. Съ такою же полнотой мы должны обнаружить и рядъ выводовъ, внутренне содержащихся въ только-что найденномъ положеніи. Но не излишне будетъ его формулировать предварительно болѣе раздѣльно и точно: